

УДК 811.161.1'42

А.В. Лукьянова

О СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Роман Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» был написан в 1860–61 годах. В этом произведении писатель снова обращается к повествованию от первого лица, – форме, использованной им в более ранних произведениях – «Белые ночи», «Неточка Незванова», «Село Степанчиково и его обитатели». Однако стилистическая организация первого большого романа Достоевского оказывается значительно более сложной по сравнению с ранними произведениями писателя, усложняется структура повествования, где разнообразнее, драматичнее становится сочетание авторской речи и «чужих» высказываний, включенных в ее контекст. Писатель последовательно отходит от монологического повествования, идущего параллельно с высказываниями персонажей. Новый подход к обрисовке характеров, резко отличающийся от привычного для реализма Гоголя и писателей натуральной школы 1840–1850 гг. преимущественно социального обоснования характеров персонажей, привел к новой художественной позиции автора. Хотя повествование в романе в значительной мере субъективировано, проведенная в «Униженных и оскорбленных» идеологическая мотивировка психологии и поведения персонажей способствовала созданию некоей диалогичности в отношении семантических планов субъекта повествования и персонажей.

Стилистическая организация произведений Достоевского неоднократно являлась предметом исследования в работах и литературоведов, и лингвистов. Среди лингвистических исследований следует отметить работу Е.А. Иванчиковой, где анализируются средства выражения субъективного авторского начала и формы их словесного выражения [3]. Также в работах Е.А. Иванчиковой представлен анализ сферы взаимодействия субъективного повествования

с разработкой плана персонажа, особенностей индивидуального синтаксиса Достоевского [4, 5]. В работе Н.А. Кожевниковой представлено исследование словесно-художественной структуры романа «Преступление и наказание», форм взаимодействия авторской объективности с субъектной многоплановостью [7]. А.В. Степанов анализирует стилистические приемы и средства, делающие выразительным отношение повествующего субъекта к художественному миру, к гипотетическому читателю, элементы, способствующие актуализации повествовательной ситуации [8]. Однако язык произведений Достоевского исследовался почти исключительно на примере вершинных произведений писателя. Стилистическая специфика организации повествования ранних произведений Достоевского практически не являлась предметом анализа.

Целью данной статьи является анализ стилистико-речевых форм выражения позиции повествователя в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Повествование от лица конкретного рассказчика в романе «Униженные и оскорбленные» композиционно оказывается включенным в более сложное построение. Во-первых, оно осложняется тем, что рассказчик Иван Петрович как бы «раздваивается»: он одновременно действует и вспоминает о событиях, отнесенных в прошлое. Сквозь призму сознания рассказчика преломляется сюжетная динамика романа. Во-вторых, повествование строится так, что оно включает точки зрения разных персонажей, оформленные либо их же словами, либо вмещенные в субъектный план рассказчика.

Повествование в «Униженных и оскорбленных» на всем протяжении романа пронизано точкой зрения рассказчика, его экспрессией, поэтому можно говорить о «субъективном» характере повествования. Рассказчик биографически связан с персонажами, о которых он ведет рассказ; он участвует в происходящих событиях, анализирует их, комментирует, дает им оценку. Он – профессиональный литератор, для которого описывание всего происходящего с ним и близкими ему людьми является обычной формой деятельности. Поэтому в романе представлен рассказ повествователя, переданный

літературної реччю, – розказ інтелегентного чловека, принадлежачего к близкому автору кругу. Естествононн являється в романе орієнтація на літературні форми речі. Різні словесно-стилістическі фігури, іпользованні розказчиком для обрисовки образів, емоціононо-експресивне освіщення останніх, іпользование різних прийомів стилістическої дифференціації речей персонажів – все это ускладнює експресивно-речеву структуру повіствуючого суб'єкта, дозволяє говорити о співпадінні ликов розказчика – професіонононо літератора і автора – писателя в романе.

В композиціононо-речевом відношенні глави, повіствуючі о подіях прошлого і знайомичі читателя з основними діючими лицьами, представляють собою потік монологіческої речі розказчика, основу котрого складають повіствоательні контексти інформативного типу. Вони складаються з ланки предикатів ливо в формі «іобразительного» прошедшего несовершенного, ливо імеють форму совершенного вида с аористическим значенням, порядок слів здесь обычно прямой, стилістическі нейтральний, характерна також слабая распространенность предложений и «ровная повествовательная интонация и несколько убыстренный темп речи, возникающий благодаря преобладанию в тексте глаголов, а также благодаря лаконизму составляющих эти контексты фраз» [3, с. 118]. Приведем несколько примеров: «Лет двадцати от роду он распорядился поступить в гусары. Все шло хорошо; но на шестом году его службы случилось ему в один несчастный вечер проиграть все свое состояние. Он не спал всю ночь. На следующий вечер он снова явился к карточному столу и поставил на карту свою лошадь – последнее, что у него осталось. Карта взяла, за ней другая, третья, и через полчаса он отыграл одну из деревень своих, сельцо Ихменевку.... Он забастовал и на другой же день подал в отставку» [2, с. 179]. Бросается в глаза связь данного фрагмента со сценами из «Пиковоной дамы» Пушкина, іобразяючими карточную ігру Германа. Данное сходство определяется тем, что принцип «стилістического приоритета» (В.В. Виноградов) глаголов в повіствоательной організації предложений,

составляющий одну из доминант стилевой системы Пушкина, был воспринят и развит Достоевским. Преобладание форм прошедшего совершенного способствует увеличению динамизма в изображении событий.

В художественном воспроизведении событий прошлых лет используется прием ретроспекции, синхронная точка зрения рассказчика сменяется ретроспективной – прошлое воспроизводится и трактуется с перспективы настоящего, фигура рассказчика начинает возвышаться над изображаемой действительностью. Так, в повествовательный монолог рассказчика включается коллективная точка зрения изображаемой им дворянской среды, которая может вступать в различные отношения с точкой зрения повествователя – то приближаясь, то отдаляясь от нее. О появлении коллективной точки зрения сигнализируют неопределенно-личные глаголы в форме третьего лица настоящего или прошедшего несовершенного: *говорят, рассказывали, уверяли, говорили*, а также фразы *известно было, был тоже слух, носились слухи*.

Включение точки зрения среды выполняет определенную стилистическую функцию. При помощи «чужой» точки зрения, отраженной в сознании рассказчика, дается начальная характеристика некоторых персонажей, предвещающая их появление на сцене действия. Так, образ князя Валковского окутывается атмосферой некоторой загадочности, таинственности. На это указывают неопределенные местоимения в сочетании с градационно размещенными оценочными определениями: *«Рассказывали, что в нем действительно было что-то обаятельное, что-то покоряющее, что-то сильное»* [2, с. 182]. Деланность поведения князя отмечается легкой иронией рассказчика: *«Рассказывали... о том, как все губернские дамы «сошли с ума от его любезностей»* [2, с. 180]. Выделенный автором отрезок «чужой» речи вносит свой акцент в данную характеристику.

Начальная характеристика образа Алеши Валковского организована таким образом, что читатель сразу же получает представление об общих чертах в характерах персонажей – отца и сына. Этому способствует расположение стилистических акцентов, привносимых в

данный контекст многочисленными неопределенными местоимениями и наречиями в сочетании с выразительными оценочными определениями. Ср.: «Впрочем, *носились слухи* про какую-то *непростительную* ветреность Алеши, про *какую-то* связь с одной дамой, про *какой-то* вызов на дуэль; про *какой-то невероятный* проигрыш в карты; доходили даже до *каких-то чужих* денег, им *будто бы* растраченных. *Был тоже слух*, что князь решился удалить сына не за вину, а вследствие *каких-то особенных, эгоистических* соображений» [2, с. 183].

Часто в романе прослеживается двойственная позиция рассказчика. В повествование, организованное как объективное, включается автор, трактующий события с позиции человека, близко знакомого с персонажами. Позиция эта (стороннего наблюдателя) часто вводится в романе словами со значением предположения, окрашивающими высказывания субъективной экспрессией: *кажется, как будто, надо думать, видимо, видно было*. Хотя эта позиция связана с известным ограничением знания, рассказчик у Достоевского никогда не ограничивается сухой констатацией фактов, недостаток знаний скрашивается его органичным, пристальным интересом к описываемому. Ср.: «*Надо думать*, что князю действительно понравился Николай Сергеич» [2, с. 180], «*Кажется*, князь скоро стал понимать, что он напрасно оскорбил Ихменева» [2, с. 185].

Рассказчик не ограничивается поверхностным восприятием происходящих событий, но стремится их прокомментировать, объяснить поведение персонажей. В подлинном произведении искусства комментарии повествователя, по Буту, обусловлены единым авторским замыслом и выступают как важнейший элемент структуры повествования, так как они смыкаются с действием, полнее открывают читателю художественную действительность, с их помощью «рассказ становится показом» [1, с. 153]. Так, руководствуясь своими знаниями и опытом, он делает верные замечания и выводы о действующих лицах, а также о некоторых закономерностях как окружающего мира, так и внутреннего мира персонажа. Ср., например, суждения о князе Валковском: «*Надо думать*, он был большим знатоком людей»

[2, с. 180], «Видно было, что он не только не любил тратить лишнего, но даже умел наживать» [2, с. 181].

Позиция стороннего наблюдателя смещается к изображению событий с позиции непосредственного участника действия, остро воспринимающего происходящее, сопереживающего его. Наряду с формами, указывающими на ограничение в возможностях повествователя, в повествование проникают иные элементы, насыщающие его структуру, динамизирующие его. Так позиция непосредственного наблюдателя смещается в сторону субъективной сферы персонажа. Повествователь, являясь участником событий, может видеть, понимать несравнимо больше, чем описываемый им герой. Ему доступен язык взглядов, мимики, жестов. Особенно часто повествователь «читает» выражение лица, глаз героев, переводя язык мимики на формы внешней речи. Ср.: «Старушка вопросительно взглянула на Николая Сергеича и даже немного обиделась: «Ну стоит, право, такой вздор печатать и слушать, да еще и деньги за это дают, – написано было на лице ее» [2, с. 188].

Избранная форма повествования не предполагает прямого проникновения в мир души героя, показ чувства в развитии, «анатомическом» разрезе. Поэтому особую значимость приобретают иные элементы структуры произведения. Одна из характерных особенностей повествования в романе – прямое выражение авторской позиции (анализ свидетельствует о правомерности использования термина «авторское повествование» вследствие совпадения ликов рассказчика и автора – писателя) используется не только как способ повествования, но и как способ оценки, характеристики персонажей, их душевного состояния, анализа возможных реакций.

Позиция стороннего, непосредственного наблюдателя сочетается в романе с позицией, близкой к всеведению (мы не можем говорить о последовательно выраженной позиции всеведения). Конкретная ситуация вызывает у рассказчика глубокомысленные рассуждения, и тогда сфера знания рассказчика расширяется до проникновения во внутренний мир героев, в тайны их сознания. Знание это он умело использует для различных обобщений типизирующего характера.

Обобщение может быть выражено предложениями присубстантивно-определяющего типа. Ср. характеристики старика Ихменева и князя Валковского, сделанную с позиции проникательного, знающего людей рассказчика: «Николай Сергеич бы одним из тех добрейших и наивно-романтических людей, *которые так хороши у нас на Руси, что бы ни говорили о них, и которые, если уж полюбят кого (иногда бог знает за что), то отдаются ему всей душой*, простирая иногда свою привязанность до комического» [2, с. 181].

Нередко значение обобщенности выражается предложениями в форме условного наклонения, выражающими далеко идущее предположение. Ср.: «Мне кажется, не было человека, который мог бы не полюбить его (Алешу – А.Л.); он заласкался бы к вам, как дитя ... он мог бы сделать и дурной поступок, принужденный к тому чьим-нибудь сильным влиянием; но, осознав последствия такого поступка, я думаю, он умер бы от раскаяния» [2, с. 202]. «Мнительный старик стал до того чуток и раздражителен, что, отвечай я ему теперь, что шел не к ним, он бы непременно обиделся и холодно расстался со мной» [2, с. 216].

Дополняющий, уточняющий и интерпретационный комментарий повествователя, в некоторой степени возвышающегося над миром своих героев, часто оформляется в форме распространительно-исяснительного предложения. Ср. комментарий к реплике Наташи: «... прибавила она, как бы затрудняясь продолжать этот разговор, что бывает со всеми целомудренными и сурово честными сердцами, когда об них им же заговорят с похвалою» [2, с. 294].

Обобщение нередко акцентируется наречиями *иногда*, *никогда*, сочетаниями с отрицательной частицей *ни* и выражается в предложениях, содержащих словесные формулы усиления, и в уступительных предложениях. Ср.: «В иных натурах, нежно и тонко чувствующих, бывает *иногда* какое-то упорство, какое-то целомудренное нежелание высказаться и высказывать даже милому себе существу свою нежность *не только при людях, но даже и наедине*» [2, с. 213], «Она даже и проговаривалась передо мной, *хотя в другие разы отпиралась от слов своих. Но ни за что не посмела бы она высказать*

свои надежды при Николае Сергеиче, *хотя и знала, что старик их подозревает в ней* и даже не раз попрекал ее косвенным образом» [2, с. 216].

Таким образом, изображение в романе проходит через образ повествователя как промежуточную «призму» между автором и воссоздаваемой действительностью. Важной особенностью повествовательного стиля романа «Униженные и оскорбленные» является подвижность позиций повествователя, с которых осуществляется освещение художественной действительности. Позиция непосредственного наблюдателя, участника событий сочетается с позицией стороннего наблюдателя, ограниченного в своих знаниях и возможностях. Расширение сферы видения и знания рассказчика-повествователя ведет к использованию позиции, близкой к всеведению. Художественное «Я» романа – образ сложной, эмоционально-ломкой речевой структуры, образ, который постоянно переключается из одной экспрессивно-стилистической сферы в другую. Путем использования различных позиций повествователя, разнообразных стилистико-речевых средств и приемов Ф.М. Достоевский добивается пластичности, выразительности и глубины в воспроизведении художественного мира.

Стилистико-речевые формы выражения позиции повествователя могут быть исследованы в других ранних произведениях писателя, что представляет собой перспективу дальнейшей работы.

Литература

1. Бут У.К. Риторика художественной прозы. Вестник Московского университета. Сер. 9.Филология. 1996. №3. С. 132–159.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. Москва: Наука, 1972. Т. 3. 544 с.
3. Иванчикова Е.А. Двусубъектное повествование в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» и формы его синтаксического изображения Филологические науки. 1990. №2. С. 62–71.
4. Иванчикова Е.А. Индивидуальный синтаксис Достоевского. Слово Достоевского. Москва: Азбуковник, 2001, С.110–137.

5. Иванчикова Е.А. «Подросток»: повествование с лирическим рассказчиком. Вопросы языкознания. 1995. №3. С.70–76.
6. Иванчикова Е.А. Как говорят герои Достоевского. Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Москва: Наука, 1996. С.90–97.
7. Кожевникова Н.А. Изображение и рассказ в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Слово Достоевского. Москва: Азбуковник, 2001. С.412–423.
8. Степанов А.В. Стиль и язык Достоевского. Русский язык в школе. 1996. № 4. С 66–43.
9. Шмид В. Рассказывание и рассказываемое в «Братьях Карамазовых». Проза как поэзия: Санкт-Петербург, 1994. С.142–150.

References

1. But U.K. Ritorika khudozhestvennoy prozy [Rhetoric of fiction]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.9. Filologiya. 3.p. 1996. 132–159.
2. Dostoevskiy F.M. Polnoye sobraniye sochineniy v 30-ti tomakh [Complete works in 30 volumes]. Moscva: Nauka, 3. 1972.
3. Ivanchikova Ye.A. Dvsub'yektnoye povestvovaniye v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot' I formy yego sintaksicheskogo izobrazheniya. [Two-part narration in the novel by F. Dostoevsky "Idiot" and the form of its syntactic image]. Philological Sciences, 2, 1990: 62–71.
4. Ivanchikova Ye.A. Individual'nyy sintaksis Dostoevskogo [Individual syntax of Dostoevsky]. Word of Dostoevsky. Moscva: Azbukovnik, 2001: 101–137.
5. Ivanchikova Ye.A. 'Podrostok': povestvovaniye s liricheskim rasskazchikom [Teenage: narration with a lyric narrator]. Questions of linguistics. 3 p. 1995: 70–76.
6. Ivanchikova Ye.A. Kak govoryat geroi Dostoevskogo [As the heroes of Dostoevsky speak]. Poetics. Stylistics. Language and culture. Moscva: Nauka, 1996: 90–97.
7. Kozhevnikova N.A. Izobrazheniye i rasskaz v romane F.M. Dostoevskogo "Prestupleniye i nakazaniye [The description and narration in the novel by F. Dostoevsky «Crime and Punishment»]. Moscva: Azbukovnik, 2001: 412–423.
8. Stepanov A.V. Stil' yazyka Dostoevskogo [Dostoevsky's language style]. Russian language at school. 4, 1996: 66–43.

9. Schmid V. Rassazyvaniye i rassazyvaemoye v 'Brat'yakh Karamazovykh' [Narration and Telling in «The Brothers Karamazov»]. Spb: Prose as Poetry, 1994: 142–150.

Анотація

Г.В. Лук'янова. Про структуру оповіді в романі Ф.М. Достоевського «Принижені і зневажені»

У статті представлено аналіз мовностилістичних форм вираження позицій оповідача в романі Ф.М. Достоевського «Принижені і зневажені».

У роботі виявлено і стилістично інтерпретовано різні іпостасі суб'єкта оповіді, позиції, які він займає, виконувани ним ролі. Розглянуто мовностилістичні елементи тексту, що знаходяться в тісному зв'язку з тією або іншою позицією оповідача.

Встановлено, що важливою особливістю оповідного стилю роману «Принижені і зневажені» є рухливість позицій оповідача, з яких здійснюється освітлення художньої дійсності. Позиція безпосереднього спостерігача, учасника подій, поєднується з позицією стороннього спостерігача, обмеженого в своїх знаннях і можливостях. Оповідь будується так, що вона включає точки зору різних персонажів, оформлені або їх же словами, або вміщені в суб'єктний план оповідача. Розширення сфери бачення і збільшення обсягу знань оповідача веде до використання позиції, близької до всевідання.

У статті розглядається, як моделюючи художній світ, оповідач у романі час від часу змінює епічний ракурс і епічну дистанцію, зображує події загальним або крупним планом, максимально наближаючись або віддаляючись від подій, що викликає використання різноманітних стилістико-мовних прийомів і засобів. Художнє «Я» роману – образ складної мовленнєвої структури, образ, який постійно переключається з однієї експресивно-стилістичної сфери в іншу.

У статті показано, як шляхом використання різних позицій оповідача, різноманітних мовностилістичних засобів і прийомів Ф.М. Достоевський добивається пластичності, виразності і глибини в відтворенні художнього світу.

Ключові слова: оповідь, позиції оповідача, мовностилістичні засоби, стилістичні прийоми, суб'єктна сфера персонажа.

Аннотация

А.В. Лукьянова. О структуре повествования в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»

В статье представлен анализ стилистико-речевых форм выражения позиции повествователя в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».

В работе выявлены и стилистически интерпретированы различные ипостаси субъекта повествования, занимаемые им позиции и выполняемые роли. Рассмотрены стилистико-речевые элементы текста, находящиеся в тесной связи с той или иной позицией рассказчика. Установлено, что важной особенностью повествовательного стиля романа «Униженные и оскорбленные» является подвижность позиций повествователя, с которых осуществляется освещение художественной действительности. Позиция непосредственного наблюдателя, участника событий, сочетается с позицией стороннего наблюдателя, ограниченного в своих знаниях и возможностях. Повествование строится так, что оно включает точки зрения разных персонажей, оформленные либо их же словами, либо вмещенные в субъектный план рассказчика. Расширение сферы видения и знания рассказчика-повествователя ведет к использованию позиции, близкой к всеведению.

В работе рассматривается, как моделируя художественный мир, рассказчик в романе время от времени меняет эпический ракурс и эпическую дистанцию, изображает события общим или крупным планом, максимально приближаясь или отдаляясь от событий, что вызывает использование разнообразных стилистико-речевых приемов и средств. Художественное «Я» романа – образ сложной речевой структуры, образ, который постоянно переключается из одной экспрессивно-стилистической сферы в другую.

В статье показано, как путем использования различных позиций, разнообразных стилистико-речевых средств и приемов Ф.М. Достоевский добивается пластичности, выразительности и глубины в воспроизведении художественного мира.

Ключевые слова: повествование, позиции повествователя, стилистико-речевые средства, стилистический прием, субъективная сфера персонажа.

Summary

G.V. Lukianova. The narrative structure in the novel by F.M. Dostoevskiy: “The Insulted and Humiliated”

The analysis of the stylistic speech forms of the expressing narrator’s positions in the novel by F.M. Dostoevsky “The Insulted and Humiliated” is carried out in the article.

Different roles of the narrator, his positions are examined and stylistically interpreted in the article. The stylistic-speech elements of the text, which are in close connection with the narrator’s positions, are analyzed. The important feature of the narrative style of the novel “The Insulted and Humiliated” is the mobility of the narrator’s positions from which the representation of the artistic reality is carried out. The position of the direct observer, participant in the events is combined with the position of an outside observer, limited in his knowledge and capabilities. The narration is constructed in such a way that it includes points of view of different characters, either expressed with their own words or comprised in the narrator’s subjective plan. Expanding the narrator’s sphere of vision and knowledge leads to the use of a position close to omniscience.

While modeling the artistic world, the narrator changes the epic perspective and the epic distance from time to time, depicts events in a general or in a more detailed way, approaching or moving from events as far as possible. These factors cause the use of various stylistic devices and language means.

The article shows how F.M. Dostoevsky achieves plasticity, expressiveness and depth in reproducing the artistic world through the use of various narrator’s positions, various stylistic-speech means and techniques.

Key words: narration, narrator’s positions, stylistic speech means, stylistic device, character’s subjective sphere.

Інформація про автора

Лук’янова Ганна Валентинівна – кандидат філологічних наук, доцент, доцент кафедри іноземних мов Харківського національного університету будівництва та архітектури; вул. Сумська, 40, м. Харків, 61000, Україна; <http://orcid.org/0000-0001-9862-5989>